

*Волченко Наталья Алексеевна,
МОУ «Поletaевская СОШ»,
учитель русского языка и литературы*

«Одним миром мазаны...»?

Эссе

Сегодняшние школьники произносят Я`мщик и объясняют это слово: я`мщик – это тот, кто роет Я`мы.

Уходят из обихода многие предметы, появляются новые, исчезают старые, возникают современные профессии – мир меняется, в том числе и «словесный» мир. Наверное, в чем-то прав лингвист Максим Кронгауз, предполагая, что русский язык справится с потоком новых слов, хлынувшим за последние десятилетия в лексикон России: все эти *кастинги, хештеги и кешбэки, коворкинги и лоукостеры*, возможно, и нужны. Возможно, не стоит повторять спор «шишковистов» и «карамзинистов» о том, вредно ли, полезно ли проникновение в наш язык иноязычных слов... С другой стороны, конечно, сегодня вряд ли стоит менять *тротуар* на *топталище*, *таксиста* на *ямщика*. Но! Но есть, на мой взгляд, черта, за которую переступать не только не рекомендуется, но и опасно. Это черта, за которой человек перестает «чувствовать» свой «прошлый» язык, ведь не всегда обязательно знать точное значение слова, чтобы понять смысл фразы. Согласитесь, «Ямщик оглянулся на седока, и кибитка понеслась шибче» – трудно предположить, что здесь речь идет о рытье ямы, однако – Увы! многие дети не связывают слова в тексте в единое целое, они «неруси», не чувствуют в этой фразе ни дороги, ни удали, ... ни-че-го! И когда в слове *обаятельный* ребенок не слышит подсказки: это тот, который и уговорит, и обнимет словами, глазами, – значит, уходит что-то важное, утрачивается нутряная, не всегда сегодня явно объяснимая словами связь с истоками языка. Как тогда должна осуществляться «культурная национальная самоидентификация» личности?

Да ведают потомки православных

Земли родной минувшую судьбу... [5, с.233]

Ведать можно только через слово, никак по-другому! Чувство родины рождается и из чувства родного слова. Когда произносишь *хакатон*, душа не откликается никак, и слово это не рождает даже примерного образа, соответствующего его значению, и не уверена, что оно приживется, для русского уха – чуждо.

Александр Сергеевич Пушкин, произнося следующие строки, очевидно, не имел в виду пожарища и кладбища:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.

Животворящая святыня!
Земля без них была б мертва,
как безотрадная пустыня
и как алтарь без Божества. [5, с.369]

Если исходить из Александра Сергеевича, то миссия уроков родного языка и родной литературы (и не важно, русской или любой другой нации) именно в этом, на мой взгляд, и заключается: дать человеку опору для осознания своего величия, для обретения *самостоянья*, заполнить «животворящей святыней» нишу духовного алтаря. Если человек утрачивает связь с родной историей, культурой, с родным словом, он и ментально, и духовно становится чуждым своей стране, перестает себя соотносить со своим народом.

«С чего начинается Родина? С картинки в твоём букваре...» И изучение русского языка как родного, на мой взгляд, нужно начинать с азбуки. Не с алфавита, а именно с азбуки, которой учил дед Каширин маленького Алешу Пешкова. Алфавит обезличен: что такое «а, бэ, вэ, гэ, дэ...». А вот азбука! Она живая: *Аз*, *буки*, *веди*, *глаголь*, *добро*... – это целый мир, где каждую букву нужно смаковать, понимать, осмысливать; это целая философия – она и есть отражение ментальности нашей нации. *Азь* – личность, и это не последняя буква алфавита, это начало *самостоянья*, потому что *Я* – это смелость заявить о себе, взять на себя ответственность; *буки* – каждая буква азбуки важна, в каждой заложена своя философия, и *ведать* их – знать, познавать, осмысливать – это то, что делает человека личностью; *глаголь* – слово, оно определяет личность, *мы* – то, что мы говорим, думаем, *мы* в обществе – это слова; глаголя, то есть говоря, *мы* определяем свое место в мире, и не случайно следующая буква – *добро* – как квинтэссенция духовного русского мира. И так каждую букву! Не галопом пробегать азбуку, а нежно и ласково с каждой буквой, как с родной...

Л.А.Глинкина в книге «От аза до ижицы» упоминает о переводе воссозданной «Азбучной молитвы» в интерпретации Л.В.Савельевой:

Азь - боуки – веди – глаголь – добро - и есть

Я письмо познаю. Говори: добро существует!

Живете – зело – земля – иже – како

Живи совершенно, земля! Но как же?

Люди - мыслете – наш – он - покой

Люди, размышляйте! У нас потустороннее прибежище.

Рецы – слово – твердо – оукъ – ферть

Скажи слово непреклонное! Научение избирательно.

Херь – отъ – пси – ци – чревь

Херувим (отрешение мирской печали?) или червь? [3, стр.13]

Азбучная молитва! Молитва, где звучит просьба *МЫСЛить*, чтить *УЧение*, думать о *ЛЮДях*... Азбука как молитва, наверное, именно потому, что для называния букв народ выбрал самые значимые для него слова – *добро*, *земля*, *слово* ... Многие авторы создавали свои варианты «азбучных молитв», например, так:

Азь буки веде.
Глаголь добро есте.
Живите зело, земля,
И, иже како люди.
Мыслете наш он покой.
Рцы слово твёрдо.
Укъ ферть херь.
Цы, черве, шта ъра юсь яти!

В современном переводе это звучит примерно так:

Я знаю буквы.
Письмо – это достояние.
Трудитесь, усердно, земляне!
Как подобает разумным людям,
Постигайте мироздание.
Несите слово убеждённо!
Знание – дар Божий.
Дерзайте, вникайте,
Чтобы Сущего свет постичь! [1, 07.2022]

В прологе к «Учительному Евангелию», составленному в 894 г. Константином Преславским, *Азбучная молитва* – это своеобразное художественное произведение старославянской литературы. (Приложение 1) Для автора азбука действительно представляла нечто более важное, чем просто средство для чтения и письма. Д.С. Лихачев высоко оценил это стихотворение: «В стройной композиции раскрывается образ лирического героя – одним из первых среди славянских книжников он ищет силу, творческое вдохновение,

чтобы записать буквами словесную мудрость... В стихотворении звучит восторг и решимость «нового народа» ... **утвердить свое право создавать культуру на родном языке вопреки запретам средневековой реакции. Впечатление полета создается запоминающейся метафорой: «И летит ныне словенско племя».** [1, 07.2022]

Как никогда это сегодня актуально: право создавать культуру на родном языке и не только создавать, но и быть причастным к **своей** культуре! Чтобы Ямщик все-таки стал ямщик`Ом, а ученик не скатился в яму непонимания родного языка! Учебный предмет «Литература» предполагает изучение довольно большого количества произведений, биографий писателей, истории развития литературы, в отличие от него курс «родной» литературы и языка хотелось бы посвятить неспешному постижению, не изучению, а именно постижению словесной ментальности своего народа. Таким образом можно хотя бы частично восполнить тот нравственный пробел, что образовался за время, когда мы всей школой столько лет воспитывали согласно ФГОСу «разумного потребителя».

Когда-то, в начале 2000-ых, мы с учениками на факультативе анализировали роман Т.Толстой «Кысь». Тогда этот роман был всего лишь антиутопией, казавшейся чем-то фантастическим, пессимистичным взглядом автора на мир. И мы, увы! не предполагали, насколько актуальными, реальными, а вовсе не утопическими окажутся герои романа – некоторые ученики порой очень напоминают их.

Вспомнился роман, в первую очередь, потому, что названиями глав Т.Толстая сделала буквы старославянской азбуки. На факультативе мы анализировали в основном идейное содержание романа, образ Кыси, создавали свою интерпретацию произведения. А сегодня было бы интересно соотнести название главы (то есть название и смысл буквы азбуки) и подтекст содержания главы. Выводы, к которым приходишь при чтении, парадоксальны. Бенедикт, главный герой – изначально переписчик книг, любит читать, но страшно, что читает-то он как гоголевский Петрушка: складывает буквы в слова, смысл

которых не просто не понимает (это бы полбеда), но его «смысл» утилитарно-примитивный, весьма далекий от того, что хотел сказать автор. Вот где «Ямщик оглянулся на седока, и кибитка понеслась шибче»!

Очевидно, по замыслу Толстой, Бенедикт пытается постичь в первую очередь нравственную азбуку, должен (и мы ожидаем это!) пережить духовный рост. Писательница опирается как раз на то, что азбука представляет из себя своеобразный «осмысленный» свод норм славянской морали, каждая буква – одно из ключевых для человека понятий, ведь слово согласно Библии считалось святым, оно могло творить мир («В начале было Слово...»), оно обладало силой, способной преобразить мир внешний, а главное – внутренний. Постичь нравственный смысл названия каждой буквы азбуки – постичь мудрость, чистоту нравственности своего народа.

Но это становится практически нереальным для героя романа. Всё вроде на поверхности, всё видно – вот она, азбука, открыта для всех... Но как только герой подходит к грани, которая отделяет мир внешний от внутреннего, так он почти всегда останавливается, не хватая культурного прошлого; нужно сделать решительный шаг, выйти в мир Пушкина, Блока, Т.Толстой –... остаемся в мире пушкина и голубчиков (так Т.Толстая называет героев своей антиутопии). Это не я так написала – *Пушкин* со строчной буквы, это для героев романа – он *пушкин*, потому что нет для них в этом имени НИ-ЧЕ-ГО! Все равно, что капуста, или комар..., или я`мщик. Вот, например, глава «Добро», но она не о добре в, так сказать, первом и, наверное, главном для нас словарном понимании этого слова. В ней голубчик Бенедикт рассказывает о борьбе за еду, о том, что для «чужого» стараться не нужно, о страхе перед тем, что могут появиться Красные Сани, которые отберут печатную книгу, несущую в себе Болезнь. Добро – это жить для себя, думать о себе, слепо подчиняться власти, считает голубчик. Когда *добро* становится таким, от культуры остается только бессмысленный, вернее – убого осмысленный *пушкин*...

Интересно наблюдать за реакцией детей, когда Т.Толстая как бы сталкивает наше сознание с сознанием Бенедикта, предполагая создать некий

конфликт культур – читателя и Бенедикта. Повествование ведется от лица героя, поэтому, вчитываясь, следишь за ходом его мысли, следишь... и вдруг – хлоп, а мысли-то и нет, и не было, оказывается. Вот, например, такой фрагмент: Варвара Лукинишна рассказывает о друзьях, о понимании, общих интересах: «Небольшая группа, человек шесть...Нечасто удается собраться, но общение очень интенсивное, тесное...» Используем прием отложенного чтения, порассуждаем, что имеет в виду Варвара Лукинишна. Надо бы представить почти Лицей, почти «Зеленую лампу», ну или хотя бы урок, что ли, где мы дружно обсуждаем интересную для нас тему. Ожидается, конечно, примерно такая интерпретация «тесного общения». Но герой нас – бах! и на землю: «Вшестером-то, конечно, тесно...это вы на полу али как?» Словесное разобщение констатирует интеллектуальное разобщение, утрачена связь с предыдущей культурой, с предыдущими поколениями, *с прошлым словарем*. А как вам такое, не из книжки: на уроке в 7 классе встретили выражение «томный взгляд». Пробуем объяснить и получаем: ну темный какой-то, глаза, наверное, черные. Всё! Чем не *голубчики!*

Или вот образчик логики героя романа: «А почему еще жизнь духовную называют возвышенной? – да потому что книгу куда повыше ставят, на верхний ярус, на полку, чтобы если случись такое несчастье, что пробралась тварь в дом, так чтобы понадежнее убереечь сокровище. Вот почему!» [6, с.52-53] Пуст герой-обыватель. И это было бы, наверное, отчасти даже смешно, если бы сегодня услужливое телевидение не подсовывало нам рекламу (нарочно не придумаешь!) о высоком и возвышенном:

- Давай поговорим о высоком...
- О кешбэке в 5%?
- Я о возвышенном...
- А я о повышенном...

Вот и поговорили! Потому и не стоит удивляться, когда мы вживую сталкиваемся с такими *голубчиками*: девятиклассник на уроке никак не мог объяснить слово *милосердие*, даже примерно, даже через примеры...

Герои Т.Толстой, в отличие от современных *голубчиков*, все-таки пережили ядерный взрыв, отброшены куда-то на задворки цивилизации, но они хотя бы иногда, читая, ощущают свою ущербность: «Бенедикту вдруг так-то тошнехонько станет! Будто вот тут вот, в середке, изжога припечет, а вокруг того печева, кольцом, - холод какой...» [6, стр.52-53] Может, это душа рождается, на волю просится... или интеллект проклевывается... Вот такую роль, наверное, и должно играть родное слово, должно рождать Душу, всегда, вне времени, вне какого-либо конкретного государства – просто Душу у просто Человека.

Мифы создает человек. И существует только то, что мы сами хотим видеть, знать, чувствовать. Бенедикт Т.Толстой дорос почти до прозрения: «Ты, пушкин, скажи! Как жить? Я же сам тебя из глухой колоды выдолбил, голову склонил, руку согнул: грудь скрести, сердце слушать: что минуло? Что грядет?... Не будь меня – и тебя бы не было! Кто меня враждебной властью из ничтожества воззвал? – Я воззвал! Я!...

Это верно, кривоватый ты у меня, и затылок у тебя плоский...

Но уж какой есть, терпи, дитяtko, какие мы, таков и ты, а не иначе!

Ты – наше все, а мы – твое, и других нетути! Нетути других-то!» [6, с.262] Глубокий монолог. Действительно, правители, культура, цивилизации – они таковы, каковы мы, и обижаться и клясть некого. Да и ученики-голубчики наши таковы, какими мы их воспитали, учителя и родители. Но хотелось бы всё исправить, чтобы сделали шаг к осознанию своей убогости, примитивности своего культурного наполнения – шаг к пониманию и освоению другой, более высокой, настоящей культуры. Читать жизненную книгу, постигать нравственную азбуку Пушкина, с прописной, а не строчной буквы трудно, но необходимо, чтобы не утрачивалась связь времен. Труд этот тяжелый, для *голубчиков* порой неподъемный: «Ты, Книга, чистое мое, светлое мое, золото певучее, обещание, мечта, зов дальний... – вся-то душа как полотно на ветру взволнуется, волнами восстанет, крылами взмахнет! А то чувство, какое бессловесное в груди ворочается, стучит кулаками в двери, в стены: задыхаюсь!

выпусти! — а как его, голое-то, шершавое, выпустишь? Какими словами оденешь? Нет у нас слов, не знаем! ... нет слов, мык один!...» [6, стр. 258].

7 июля на проверке работ учеников, пересдающих ОГЭ по русскому языку, прочитала примерно такой вариант сочинения: «Вообще непонятный текст, почему Динка не может кататься на раме велосипеда: то ли не помещается на нем, то ли некогда ей! Зачем давать такие непонятные тексты на экзамене!» И такое непонимание звучало не в одной работе! А исходный рассказ был художественный, простенький, не научный, без диалектизмов и историзмов, вполне современными словами, рассказ про первую любовь, на тему, которая, казалось бы, должна быть близка и понятна подросткам! Но — я`мщик! Не только «мык один», но даже мысли нет, чтобы этот «мык» как-то оформить.

В финале романа Толстой звучит отчаянный возглас: « – Книгу-то эту, что вы говорили! Где спрятана?... Где сказано, как жить!» [6, стр.314] – очевидно, что герой, задаваясь вопросом «Как жить?», отделяет себя от прежней жизни, однозначно понимает: по-прежнему уже нельзя, для него начинается новая эра, эра поиска, обретения новых нравственных ориентиров, процесс «постижения нравственной азбуки» сдвинулся с мертвой точки. Слово достало-таки Бенедикта, затронуло заветную жилочку. А значит, начинается, не может не начаться новый виток цивилизации. Словно бы мы переживаем новый Взрыв, но уже не ядерный, а духовный, когда если и не вернется старая, но начнется новая Культура, действительно культура, а не суррогат для потребителя, который думает только о себе.

На фоне сегодняшней мировой ситуации невольно возникает ассоциация с Библией, ее Апокалипсисом из «Откровения святого Иоанна Богослова»:

17 Седьмой Ангел вылил чашу свою на воздух: и из храма небесного от престола раздался громкий голос, говорящий: совершилось!

18 И произошли молнии, громы и голоса, и сделалось великое землетрясение, какого не бывало с тех пор, как люди на земле. Такое землетрясение! Так великое! » [2, стр.287], - все это страшно, но возмездие это не безнадежно,

ведь нужно испытать катарсис, чтобы очиститься от скверны, чтобы наполнить душу светом:

«24 Спасенные народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою.

25 Ворота его не будут запираются днем; а ночи там не будет.

26 И принесут в него славу и честь народов.

27 И не войдет в него ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни». [2, с.299]

Уроки родного слова, на мой взгляд, и должны погрузить в мир, где не будет *ничего нечистого и никто не будет предан мерзости и лжи*. Уроки, где личность обретет *самостоянье*, где будет дарована возможность Слова и Света, причем должна быть дана возможность не только неспешно понимать прочитанное, но и создавать свои тексты (наверное, несколько пафосно сказано, но так думается). Кажется, во Франции одна из задач преподавания литературы – научить создавать тексты-стилизации. В этом есть своя мудрость: для того чтобы сказать так же, как кто-то, нужно изнутри прочувствовать не только особенности стиля, закономерности лексической сочетаемости, синтаксиса, но и своеобразие мышления писателя, а значит, проникнуться его идеей восприятия мира. Наверное, это тоже подход к преподаванию, имеющий право быть.

У Е.Н.Ильина, замечательного петербургского словесника, есть небольшая книжечка «Лев Толстой в зеркале «Войны и мира», в ней всего 28 главок по 2-3 странички каждая. Но это очень насыщенные странички: Евгений Николаевич словно ведет такой неспешный разговор-размышление с читателем, давая возможность подумать, почему именно такое, а не другое слово выбрано писателем, что дает оно для понимания событий, поступков, для *встраивания* себя в мир романа. Например, слово «глазастей» метко брошено солдатом, когда Кутузов проводит смотр перед Аустерлицем:

« – Как же сказывали, Кутузов кривой, об одном глазу?

– А то нет! Вовсе кривой.

- Не...брат, глазастей тебя...»

Разворачивая мысль вокруг этого эпитета, подбирая синонимы к этому слову, Ильин помогает понять нам, что значит «глаза – зеркало души». Можно ли заменить его на «глазеющий», кого из героев романа можно назвать «глазастым», а кого «глазеющим», а я – какой? [4, с. 23] Строя урок вокруг одного слова, учитель не просто раскрывает образ героя – он уводит детей в мир слов, имеющих огромное глубинное значение, само слово как целый мир, потому что, оказывается, относительно Кутузова «глазастый» – это и всевидящий (потому что кроме портянок и сапог видит душу, настроение солдат), и пронизательный (потому что, улыбаясь, понимает Тимохина, вытянувшегося перед ним), и неторопливый (не потому, что медлителен, а потому что внимателен), и духовный, и душевный, и... Задуматься над смыслом слова, а потом «переложить» это слово на себя, на окружающих... Начнем следующий урок, озадачив неожиданным вопросом, вызвавшим у некоторых ребят даже протест: в какой момент Наташа Ростова становится «глазеющей»... Порассуждать, как в этой жизни не стать глазеющим, а остаться глазастым: заметить грусть на лице мамы, откликнуться на невысказанную просьбу незнакомого человека – отразиться самому в «зеркале» романа Л.Толстого, такого РУССКОГО писателя, что не хватит никакого количества уроков, чтобы до конца постичь мудрость каждой страницы его произведений. А таких страниц в русской классике не перечесать, поэтому главным мне кажется – научить ребят останавливаться при чтении чужих и написании своих текстов, улавливать суть слова, дабы чужую МЫСЛЬ понять, а свою высказать предельно точно. Может, тогда восстановится связь поколений, культур, причем поколений не только учеников из гимназий и лицеев, но и троечников-двоечников, у которых ямщик роет яму...

Таким образом, миссия уроков родного слова могла бы состоять в том, чтобы, неспешно читая НЕБОЛЬШИЕ тексты (небольшие произведения или фрагменты больших) великих русских писателей, останавливаясь на значении ключевых слов, возвращать детей к АЗБУКЕ, нравственной в первую очередь.

Научить мыслить по-русски, чувствовать по-русски, понимать нутряную начинку слова, слышать музыку русского слова, чтобы не просто понимали, что «мы одним миром мазаны» и с предками, и с потомками, но ощущали это исподволь, на уровне интуиции, чтобы самоидентификация с русской нацией происходила не только сознательно, но и подсознательно, ведь именно на этом ...основано от века

По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.

.

Литература и Интернет-ресурсы

1. Азбука веры // [Электронный ресурс, 07.2022] <https://azbyka.ru>
2. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Заветов // Mikkel, 1991, 680с.
3. Глинкина Л.А. Аз, буки, веди...// Челябинск: Челябинский областной Славянский культурный центр, 1991, 299с.
4. Ильин Е.Н. Лев Толстой в зеркале «Войны и мира»: Пособие для учителей и учащихся // М.: Школа-пресс, 2000, 112с. (Приложение к журналу «Русская словесность». Выпуск 4)
5. Пушкин А.С. Избранные сочинения // М.: Художественная литература, 1990, 654с.
6. Толстая Т.Н. «Кысь» // М.: Подкова, 2002, 318с.

Азбучная молитва Константина Болгарскаго.

Изъ словоу си|мъ молю сѧ вѣу. : |
 Бѣ всеѧ твари ѿ | зиждителя. : |
 Видимыймъ и | невидимыймъ. : |
 Гѧ дх̄а. послѧи жи|воущааго. : |
 Да вѣдѣхнеть въ | срьдце ми слово. : |
 Юже воудеть на оу|спѣхъ всѣмъ. : |
 Живоущиймъ въ | заповѣдхъ ти. : |
 Зѣло во ѣсть свѣ|тильникъ жи|зни. : |
 Законъ твой. и | свѣтъ стѣза|мъ. : |
 Иже ищеть ѣвнгел|ска слова. : |
 И проситъ дары | твоѧ приѧти. : |
 Летитъ бо нынѣ. | ѿ словѣньско | племя. : |
 Къ крещению. обра|тиша сѧ вси. : |
 Люднѣ твоѧ. на|реци сѧ хотѧще. : |
 Милости твоѧ. | вѣ просатъ зѣло. : |
 Нъ мѣнѣ нынѣ. | пространо слово | даждь. : |
 Оче снѣ. | и прѣстѣ|и дше. : |
 Просѧщоуоумоу. | помози ѿ тебе. : |
 Роуцѣ бо своѧ горѣ | въздѣю присно. : |
 Емоу приѧти. ѿ | моудрость оу те|бе. : |
 Ты бо дакши. до|стойномъ си|лоу. : |
 Упостасъ же. вса||коу ю цѣлши. : |
 Фарабша ма. зѣ|ловы избави. : |
 Херовскоу ми. | мѣсль и оумъ | даждь. : |
 О чьстнаѧ. прѣ|стѣѧ троице. : |
 Печаль мою на ра|дость прѣложи. : |
 Цѣломоудрно. | да начьноу пь|сати. : |
 Чюдеса твоѧ. прѣ|двѣнаѧ зѣло. : |
 Шестькрилатъ. си|лоу въсприимъ. : |
 Шѣствоую нынѣ. по слѣдоу оу|чителю. : |
 Имени кю. и дѣлоу || послѣдоуѧ. : |
 Ивѣ сътворю. ѣв|нгельско сло|во. : |
 Хвалоу възда|ѧ. трци въ вѣ|ствѣ. : |
 Юже поѣтъ вса|кѧи въздрастѣ. : |
 Юнъ и старъ. своимъ разоумомъ. : |
 Изъикъ новъ. хва|лоу въздаѧ при|сно. : |
 Оцоу сноу. ѿ прѣ|стоуоумоу дх̄оу. : |
 Емоу же чьсть ѿ | дрѣжава ѿ слава. : |
 Отъ всеѧ. твари ѿ | дѣханиѧ. : |
 Въ вса вѣкы. ѿ на | вѣкы аминъ. : |